

Евгений
Клячкин

19/IV - 88

Медведь-1988 - 19 мая

ПЕСНИ ПОД ГИТАРУ

Выпуск 10-й

Ну, положим, мы-то познакомились десять лет назад. К жизни полубога он тогда уже, по всему суду, был очень привычен. Все говорило об этом: неторопливые движения, игра оттенками голоса, все это весьма начальственно — он был председателем жюри энского фестиваля пресловутой самодетельной песни, — кожаный пиджак, наконец, последний штрих: художник!

Ох, какое непростое впечатление... Да еще обрывочные строчки из юношеской моей памяти, да еще легенды — ну, хоть Новосибирского Академгородка... Тут — отступление. Я не видела Академгородка в зените его элитарности. Но тонкая нитка была натянута между моим московским домом и Новосибирском предсемидеся-

мя романтической интеллигенции шестидесятых. Люди эти, одержимые профессией, впрочем, прежде всего — физики да биологи, поэты да прозаики, хватались за тонкое древко и этого флажка тоже — Поэзии в песне. С легкостью студенчество выстраивало ряды: Окуджава — Клячкин — Визбор, Галич — Новелла Матвеева — Ким, Кукин — Городницкий — Якушева... Выходила звезда Высоцкого, не новомодная, только что открытая и названная энтузиастами вполне по-советски «Владвысоцкий»...

Ленинградцы писали всюю — свою ленинградскую песню. Разбежавшиеся по лесам для неформального (читай — безнадзорного) общения люди принимали к дешевеньким сосновым гитарам и пели, пели — «Я бы сказал тебе много хорошего...»

НЕ ГЛЯДИ НАЗАД...

тых: подруга детства и юности писала мне оттуда длинные письма, обо всем, обо всем... Позже, в Новосибирске же — а это была и есть одна из кладовых авторской песни — я наткнулась на очень юный обворожительный голос Евгения Клячкина и на фото его — это просто какой-то очеловеченный Бэмби...

Ну, что ж, миф и реальность... Как-то все это нужно связать? Высокомерно хрустящий кофиджак и — «ты море рисуешь синим...» Прошли годы, и мы стали разговаривать с Женей Клячкиным как друзья.

Что ж знаем теперь о нем, живописно седовласом, с уверенными жестами? Что можем вспомнить? Предание гласит, что первая его песня случилась в 61-м году. Теперь у Клячкина около 400 песен.

Ленинградский инженер, вообще — дитя Ленинграда, в блокаду потерявший мать. Эта отметина — на нем.

Один из первых принес к нам стихи Иосифа Бродского. Дать стиху жизнь песенную, то есть страшно повысить его летучесть — особая задача. «Мимо ристалищ и капищ, мимо храмов и баров...» — услышали мы. Это было спето голосом Евгения Клячкина. Потом еще, еще... Рассказывают теперь, как стихи нынешнего нобелевского лауреата ходили в списках, заучивались наизусть и делались любимы и значительны для многих. А я вот — из тех, до кого стихи эти долетели с голосом Жени Клячкина — «синим солнцем палимы, идут по Земле пилигримы...»

А на ветру развевалось зна-

Валентина Вихорева, «Проходит жизнь, проходит жизнь» Бориса Полоскина, «Снег, снег» Александра Городницкого. Помоему, как символу эпохи захотел остаться верным самой незатейливой гитаре Юрий Кукин. Прочие-то давно уже держат в руках дорогостоящие инструменты... На этом обзор ленинградской песни сейчас завершу — потому что продолжение этой темы в дни сегодняшние повергло бы меня в грусть и тоску.

Итак, Клячкин тогдашний — какой? Очень романтический и жеманный тоже, в меру рыцарственный и наивно высокомерный подчас... «Я сам себя баюкаю — хорошевый ты мой!» — часто вспоминаю эту строчку. «Ну, чем тебя порадую? Ну что ж, зайдем в парадную...» — вот какая городская «чернуха», подъездная любовь, терпкая мелодрама. «Да не переведутся люди, которым легче умереть, чем убить...» — и это его песня.

А все-таки (и тут я улыбаюсь не без ехидства) — мы с тобой, Клячкин, представители направления «особо интимной песни». Иногда. Нам надобно очень строго относиться к своей строке, вкус изменять нам не должен бы...

Он работает над песней, тщателен и добросовестен. Просто трогательно та серьезность, с которой он относится к своему, теперь уже вполне артистическому, амплу. Он наслаждается многочисленными концертами, афишами, развешенными по городу. Он купается в каждой встрече своей со зрителем-слушателем. Он ведь про-

низался через сложные годы, видел, как и почти все авторы этого поколения, перечеркнутые афиши своего выступления: «Артист болен, концерт не состоится», а ты — вон он тут, с гитарой и абсолютно здоров! Ладно, это дело прошлое.

Я вот думаю, что в авторской песне всего две главные интонации: утешительная и тревожная. Есть свои лидеры и свои труженники у каждого из этих направлений. Конечно, есть и работающие на стыке... Так вот, к примеру, ослабевший за последние годы интерес мыслящей части людей к авторской песне я готова объяснять и тем, что из наших, вовсе не колоссальных, рядов выбыли два бесспорных лидера песни тревожной — А. А. Галич и В. С. Высоцкий. Есть и псаломная утешительность, и трогательная ирония, и пронзительная сатира (реликт — но в авторской песне сохранился: смотри, читай, слушай Юлия Кима)... А надо уметь и тревожить, и утешать.

«Я прощаюсь со страной, где прожил жизнь не разберу чью...» и «Помнишь этот город, вписанный в квадратик неба?» — это тоже спел Клячкин.

Еще он музыкант и раньше других занялся аккомпанементом стиха всерьез. Потом-потом уже народилась изощренность А. Дольского, самобытная, находочная манера Е. Бачурина. А ведь были сперва в песне под гитару — весьма общего звучания ходы и аккорды. Одним из первых нежную музыкальную ткань стал кроить и перекраивать Клячкин. И сейчас лучшие его мелодии — это песни на стихи Ахматовой и Вознесенского, Самойлова и Городницкого.

Я всегда чуть-чуть переживаю каждый его звонок или встречу с ним. Щемящее какое-то чувство... Мне ужасно трогательно говорить ему «ты»; мне трогательно было его песни и его фото поместить в книжку, которая вышла в прошлом году в Словакии, в издательстве «Татран» — «Надежды маленький оркестрик» (советская авторская песня). Когда же будет и у нас толковая книжка, которая расскажет и покажет, кто чего стоит? Книжка, где будут имена и песни людей — не серых, привлекших к себе сиюминутный, поверхностный взгляд телевидения или прессы, — а песни настоящие, с мерцающим внутри музыки огнем поэзии, выдержавшие испытание десятилетиями, как это с поэзией и бывает...

Он не безупречен. А кто безупречен-то? Но он честный рыцарь песни. Ему за пятьдесят, а первая его пластинка «Осенний мотив» вышла лишь в прошлом году. Не все в ней, быть может, устроило вас, давние и верные ревнители авторской песни и творчества самого Клячкина? Не все, допускаю. Но если б вы

знали, как одиноки мы и в этом — в работе над пластинкой. Хотя какая-никакая подсказка: по режиссуре, по технике записи, по внутренней конструкции пластинки! Но нет — никого и ничего. Один на один с публикой — к этому мы, поющие, уже привыкли. Но один на один с микрофоном — этого быть бы не должно...

Знаю, он мечтает о хороших музыкантах, которые деликатно сопровождали бы его концерт. Он числит настоящую авторскую песню в алмазном фонде нашей культуры. Я и сама так думаю.

Не надо было заклеивать афиши клубов полоской «концерт не состоится». Надо было записать и выпустить к многотысячным слушателям юные и неповторимые голоса Визбора, Кукина, Городницкого, Якушевой.

«Не гляди назад, не гляди!» — пел и поет Клячкин. «Никогда, никогда ни о чем не жалеть», — убеждал он. Надо было, надо было... А сейчас можно и нужно любить. Есть за что.

Вероника ДОЛИНА.

Подвижно, $\frac{3}{4}$ Ам С

1. 2. 3. На сто... ле от лам... поч... ки круг,

D

а за кру... гов... в ком... на... те мрак.

F

В кру... го... сра... зу... вид... но, кто друг,

H⁷ E⁷ E⁷

кто во мра... ке... ис... но, что враг.

Ам С

2. 3. Вот о... пать нос... во... дит... ся дом,

D

а над до... мом... тя... нег... ся дым.

ДЕТСКИЙ РИСУНОК

Стихи и музыка Евгения КЛЯЧКИНА

На столе от лампочки круг,
А за кругом в комнате мрак,
В круге сразу видно, кто друг,
Кто во мраке — ясно, что враг.

Девочка рисует дома,
Над домами вьются дым,
И еще не знает сама,
Кто чужие здесь, а кто — мы.

Вот опять возводится дом,
А над домом тянется дым.

Все плохое будет потом,
Все хорошее создадим.

А под дымом варится суп,
Чтобы каждый в доме был сыт.
Тот, кому захочется спать,
Сам на полночь ставит часы.

За забором висится сад —
Там деревьев несколько сот.
Яблоки на ветках висят —
Сами так и просятся в рот.

Что для жизни надо — все есть.
Чего нету — значит, пустяк.
Решено — мы жить будем здесь,
Решено — мы жить будем так.

Нарисуем старых друзей,
Не заметим новых врагов.
В этом мире все любят всех,
И до смерти здесь далеко.

Здесь покой — извечный закон.
Незнакомо здесь слово «вдруг»...
Жалко, что кончается он
Там же, где от лампочки круг.